

Ростислав Станков*

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО
ПЕРЕВОДА ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА:
МНИМЫЕ РУСИЗМЫ (5)¹**

**OUT OF OBSERVATIONS ON THE VOCABULARY OF THE OLD
BULGARIAN TRANSLATION OF GEORGE HAMARTOLOS' *CHRONICON*:
IMAGINERY RUSSICISMS (5)**

This paper examines several verbs with the root **mlv-* in the Old Bulgarian translation of George Hamartolos' *Chronicon*. The analysis reveals that these verbs have no specific meaning of speech or speaking that could be associated with either Russian or Old Russian.

Keywords: Old Bulgarian, Old Russian, Slavonic translations from Greek, George Hamartolos' *Chronicon*

Słowa kluczowe: język starobułgarski, język staroruski, słowiańskie przekłady z greckiego, *Kronika* Jerzego Hamartolosa

В данной статье речь идет о наличии якобы некоего русского значения у глаголов с корнем *млв-*. Начиная с 1998 года, в работах Анны Пичхадзе встречается утверждение, что в древнеболгарском языке значение речи у слов *млва* и *млвнтн* отсутствует. Пичхадзе приводит отдельные южно-славянские слова (болг. *млвѣ* 'тихо говорить', *млвѣж* 'неясный, смутный шум, говор', *омлвѣ се* 'произнести; откликнуться', *промлвѣ* 'произносить тихо и несмело', словен. *mólvti* 'ворчать; ворковать; говорить неразборчиво;

* Кафедра русского языка, Факультет славянских филологий, Софийский Университет им. св. Климента Охридского, 1504 София, бул. Цар Освободител 15; e-mail: r_stankov@abv.bg.

¹ До настоящего момента вышло три статьи, посвященные этой теме: Станков, 2015; 2016а; 2017.

глухо раздаваться; жужжать' [БЕР, IV, с. 387; ЭССЯ, 20, с. 227]) и заключает, что в южнославянских языках корень **mlv-* обозначает разного рода шумы, а применительно к речи – лишь невнятное нечленораздельное говорение. В то же время, в „севернославянских” языках продолжения **mlviti* употребляются в значении ‘говорить’, причем с указанием на разумную речь. Относительно древнерусского периода Пичхадзе считает, что значение ‘шуметь, волноваться’ у *mlviti* встречается только в церковнославянских текстах, а в оригинальных текстах глагол означает ‘говорить’ [Пичхадзе, 1998, с. 477]. Далее, со ссылкой на словари древнерусского языка, Пичхадзе приводит ряд глаголов, которые отражают „русское” значение глагола: *vzъmlviti* ‘сказать’, *nzъmlviti* ‘произнести’, *namlвiti* ‘подговорить’, *prъmlviti* ‘уговорить’, *omlвiti* ‘уговорить, соблазнить; условиться’ и др.

Прежде чем перейти к анализу материала из древнеболгарского перевода *Хроники* Георгия Амартола (ХГА), отметим некорректность такого подхода. Во-первых, Пичхадзе приводит болгарские слова выборочно, при чем не упоминает как раз те слова, которые не увязываются с ее концепцией: *namъlvя (se)* ‘говорить много; наговориться’, *pomъlvя* ‘говорить немного времени, коротко’ [БЕР, IV, с. 387]. Ясно, что говорить много или немного не равнозначно „невянному или нечленораздельному говорению”. Во-вторых, в словари древнерусского языка включен материал не только оригинальных древнерусских памятников. Ссылка Пичхадзе только на „древнерусские” словари приводит к тому, что такие памятники, как Лобковский пролог XIII в. (*vzъmlviti*), финляндские отрывки Пролога XIII в. (*nzъmlviti*), История Иудейской войны Иосифа Флавия (*nzъmlviti*, *prъmlviti*), ХГА (*namlвiti*, *omlвiti*) запросто оказываются „оригинальными” древнерусскими. Даже на первый взгляд мысль о древнерусском характере некоторых из указанных глаголов сомнительна: наличие префикса *vzъ-*, префикса *nzъ-* выделительного значения, префикса *prъ-*.

Правда, Пичхадзе допускает возможность того, что Пролог, может быть, переведен в Болгарии, но несмотря на это, употребление глаголов с корнем *mlv-* со значением речи имеет окказиональный характер в древнеболгарском, в то время как оно характерно для оригинальных древнерусских произведений и для переводов, осуществленных в Древней Руси или по меньшей мере подвергшихся на Руси обработке [Пичхадзе, 1998, с. 478]. В статье, посвященной проблеме происхождения первого славянского перевода ХГА и утверждающей, что этот текст входит в круг памятников, переведенных в Киевской Руси совместными усилиями болгарских и древнерусских переводчиков, Пичхадзе продолжает отстаивать мысль о характерности

значения ‘говорить’ у продолжений **mlv-* для севернославянских языков и его отсутствия в древнеболгарском. Все же автор отметила, что в ХГА преобладает значение ‘волнение, мятеж’ [Пичхадзе, 2002, с. 243–244]. В монографии Пичхадзе от 2011 года *mlzvntn* ‘говорить’ попало в группу восточнославянских регионализмов, точнее, в подгруппу слов, характерных для древнерусских текстов и лишь изредка встречающихся в древнеболгарских памятниках, при этом речь идет уже о восточнославянских переводах [Пичхадзе, 2011, с. 135, 137–138].

Глагол *očmlzvntn* уже рассмотрен нами подробно [Станков, 2016б, с. 267–270]. Приведем остальные глаголы из ХГА²: *mlzvntn*, *namlzvntn*, *razmlzvntn*, *szmlzvntn* (сА):

(1) не подобають послышати нхъ, васньо молваше (створеще П³, твораше Е², васнотворении Сп⁴) творителемъ нмъ, Зевесъ н Аполонъ н прогнн 66,14–15 – οἱ παρὰ ποιηταῖς μυθολογοῦμενοι Ζεὺς καὶ Ἀπόλλων καὶ οἱ λοιποὶ Б. 69,1–2;

(2) проклинаемъ тыа вса съ вѣѣмн такоево мыслѣщнмъ лн млзвѣщн^м даже н до конца 415,7–8 – ἀναθεματίζομεν ὅλα ταῦτα μετὰ πάντας τοὺς τὰ τοιαῦτα φρονοῦντας ἢ φρονήσαντας μέχρι τέλους Б. 633,17–19;

(3) ндеже, н иѣтера воура протнвоу дъхннвъ кемоу н людемъ, szmlzteжл (съ матѣ П, сен матѣжъ ПбСлУн, се матѣжа Сп, съ матѣжа УвЧ) вса namolavn 323,27–28 – ἔνθα καὶ ἐτέρας καταγίδος ἀντιπνευσάσης αὐτῷ τε καὶ τῷ λαῶ συνέχεε πάντας καὶ ἐθορύβησεν Б. 473,5–7;

(4) namolzvlenz (namlzvnen Сл, namolzvlenz С⁵) бѣ ѿ Иєлнньскыхъ фнлософъ 351,18 – ὑπὸ ‘Ελλήνων φιλοσόφων ὄνειδισθέντος Б. 523,3–4;

² Здесь и далее славянский текст *Хроники* цитируется по изданию В.М. Истрина [Истрин, I]; первое число обозначает номер страницы в издании, последующие числа – номера строк. В круглых скобках приводятся варианты по другим спискам ХГА, при этом сохраняются обозначение списков в издании Истрина; S – означает сумму всех списков. Некоторые существенные разночтения указаны по изданию В.А. Матвеевко и Л.И. Щеголевой [Матвеевко, Щеголева, I/1–2]; отдельные разночтения приводятся и по списку Е² (краткие сведения о древнерусских списках с их обозначениями, которые использованы и в настоящей работе, см. в: [Матвеевко, Щеголева, I/1, с. 32–38; Станков, 2008, с. 47–48]; более подробные сведения см. в: [Анисимова, 2009]). Греческий текст цитируется по изданию К. де Боора [Boor, I–III] с указанием страницы и строки и сопровождается буквой Б.; текст продолжения цитируется по Ватиканскому списку № 153 [Истрин, II, с. 3–65] и сопровождается буквой В.

³ Не все разночтения по списку П, приведенные в настоящей работе, указаны Истриным.

⁴ Матвеевко и Щеголева для этого списка приводят форму васностворенин [Матвеевко, Щеголева, I/2, с. 44, примеч. 40 к с. 164].

⁵ [Матвеевко, Щеголева, I/2, с. 227, примеч. 7 к с. 538].

(5) не хотѣ же него (сего S) створити Ієрпифанни. Φεωφηλομъ (+во S) преже него намолвьленъ бы 396,6–7 – οὐχ εἶλατο τοῦτο ποιῆσαι Ἐπιφάνιος· ταῖς γὰρ ὑπὸ Θεοφίλου διαβολαῖς προκατείληπτο Б. 599,11–12;

(6) тѣ же съвѣ размолвьленъ бы ѿ любивше (любивши СпУвЧ) Λεωντα 541,10 – ἦτις βουλή καὶ θέλησις διασκεδάσθη παρὰ τῶν εὐνοούντων τῷ Λέοντι В. 38,11;

(7) створн ны⁶ съ клатвою створн (мнръ S) н смолвено (съмлзвлено П) да не ѿвратитъ, лн да соудна бгъ н мститель (мзститель П) семоу да воудеть 465,1–3 – τὰ μεθ' ὀρκῶν συμφωνηθέντα μὴ διαστρέψαι, ἐπεὶ τοί γε κριτῆς ὁ θεὸς καὶ ἔκδικος γενήσεται Б. 730,8–9;

(8) напнса кѣ Леонъ введедъ на вѣстоуъ... прндн оубо н смолвнѣ сѧ (смлзвнѣ сѧ П) ѿ мнръ, н створю всѧ, еанко (еанка СпУвЧ) тн на потребуу 467,12–14 – γράφει πρὸς Λέοντα στρατηγὸν τῶν ἀνατολικῶν... ἐλθὲ οὖν καὶ λαλήσωμεν τὰ πρὸς εἰρήνην, καὶ ποιῶ πάντα ὅσα θέλεις Б. 734,20–735,3.

Приведенные примеры нуждаются в текстологическом комментарии.

В (1) текст первоначального перевода искажен. Греческая форма показывает, что первичным чтением должна быть форма басностворенни Сп, эта форма объясняет переделку текста в П на створеще, откуда твореще в E² и Ч. Необходимо отметить, что форма в П с ε вм. ѡ, вряд ли является болгарской, хотя подобная спорадическая замена встречается уже в древнеболгарских памятниках [Граматика, 1991, с. 544], более регулярно эта замена отмечена в отдельных среднеболгарских памятниках [Иванова-Мирчева, Харалампиев, 1999, с. 65; Харалампиев, 2001, с. 62]; буква ε в П восходит к сложной причастной форме списка Сп, в результате разложения которой получилось сочетание наречия с причастием наст. вр. Форма имперфекта молвѣше Тр является более поздним переосмыслением текста. В очередной раз список Тр дает более позднее чтение, несмотря на усилия Истрина, Матвеевко и Щеголевой доказать, что именно этот список ХГА наиболее близок к первоначальному переводу. Поэтому не совсем точный перевод Матвеевко и Щеголевой („рассказывают в баснях их создатели” [Матвеевко, Щеголева, 2000, с. 68]), основанный на форме молвѣше, лучше исправить на: „сочиненные (придуманые) в баснях их создателями”; греч. μυθολογέω как раз по отношению к богам означает ‘сочинять, выдумывать’, но не ‘рассказывать’.

В (2) млзвѣщи^м (прич. наст. дат. мн.) соответствует φρονήσαντας (part. aor. ass. pl.). В известных нам списках и изданиях разночтений к этому месту в тексте нет. Поэтому необходимо привести сходный контекст,

⁶ У Истрина створнны.

расположенный чуть выше указанного фрагмента текста: (9) н проклѣтн с нечѣстнвымъ Арнгено̑ н всѣ̑ таковы̑ мыслѣщи̑ н мыслѣщнмъ в конце 415,5–6 – καὶ ἀναθεματίσαι μετὰ τοῦ δυσσεβοῦς Ὠριγένους καὶ πάντων τῶν τὰ τοιαῦτα φρονοῦντων ἢ φρονησάντων εἰς τέλος Б. 633,13–15. Значения греч. φρονέω связаны с мышлением, но не с говорением, в (9) обе причастные формы этого глагола переведены причастными формами глагола мѣслнтн, причем в обоих случаях употреблено настоящее время, хотя второе греч. причастие следовало бы перевести формой прошедшего времени. Такое употребление настоящего времени наблюдается и в (2). И в этом случае, возможно, чтение мѣвлѣщн̑ является более поздней заменой формы мыслѣщнмъ, несмотря на отсутствие прямых свидетельств.

В (3) также заметно искажение первоначального перевода. Здесь при сѣмѣтежѣ восстанавливают форму сѣмѣтеша [Матвеевко, Щеголева, I/2, с. 209, примеч 22 к с. 492].

В (6) во фразе рѣзмолькленъ вы̑ ѿ... формы действительного причастия прошедшего времени (любнвшѣ̑ твор. ед., любнвшн̑, твор. ед. или дат. мн.) в отдельных списках отражают искажение текста, так как предлог отъ, переводящий греч. παρά, требует родительного падежа. Этот пример демонстрирует специфическую особенность древнеболгарского языка: страдательная конструкция с предлогом отъ + род. пад., передающая значение деятеля [Ходова, 1963, с. 33–36]. Правда, К.И. Ходова со ссылкой на работу Е.А. Седельникова [Седельников, 1955, с. 155] пишет, что в старейших древнерусских памятниках отсутствует творительный падеж при возвратно-страдательных глаголах с сѣ, но употребляется только родительный с предлогом отъ [Ходова, 1963, с. 35].

Древнейшие примеры страдательных конструкций с предлогом отъ + род. Седельников приводит из *Повести временных лет*, точнее, из договоров русских с греками от 912 и 945 гг.: (10) аще ли рѣкѣ не дадѣть н протнвѣтсѣ. да оубѣенн вѣдѣть. да не нзнѣтсѣ смръть нхъ ѿ князѣ [ПСРЛ, I, стлб. 48]; (11) нже посланн ѿ Влага... н ѿ всѣ̑ ж соѣ̑ по рѣкою̑ ѿ̑ [ПСРЛ, I, стлб. 33]. Язык договоров не отражает особенности живого древнерусского языка, поскольку оба договора писаны, вероятно, болгарами, вопреки С.П. Обнорскому, который приписывает текст второго договора древнерусскому переводчику, констатируя в то же время, что синтаксис обоих договоров болгарский [Станков, 2017, с. 127–129; там же и литература вопроса].

Далее Седельников не соглашается с Л.А. Булаховским, по мнению которого употребление страдательного оборота с род. + отъ является ре-

зультатом иноязычного влияния [Седельников, 1955, с. 56]. Дело в том, что Булаховский не обосновал как следует свое мнение по этому вопросу [Булаховский, 1958, с. 299–300]. Сам Булаховский считает, что комментарий Седельникова относительно оборота род. + *отъ* не во всем убедителен [Булаховский, 1958, с. 300, примеч. 1].

По мнению Седельникова, твор. беспредложный и род. с предлогом *от* при страдательных глаголах сохраняли параллельные отношения и свободно взаимозаменялись и в XVIII в. Автор ссылается на *Российскую грамматику* Ломоносова, в которой оба употребления отмечаются как норма [Седельников, 1955, с. 156–157]: „Страдательный глагол требует родительного с предлогом *отъ* или творительного без предлога: *книга твоя прочтена мною со вниманіемъ; Дарій побѣжденъ от Александра, но убитъ отъ своихъ рабовъ*” [Ломоносов, 7, с. 561, § 5067]. Однако известно, что Ломоносов, составляя свою *Российскую грамматику*, находился под сильным влиянием *Славенской грамматики* Мелетия Смотрицкого. Ср.: (12) Глѣмъ безличнымъ залога страдательнаго предидеть Именительный многажды вставляемый: послѣдвет же Творительный или Родительный со Предлогомъ ѿ ... Послание твое прочтеса мною: или ѿ мене [Смотрицкий, 1979, с. 225]. Поэтому вряд ли можно согласиться с высказыванием, что „процесс вытеснения творительным родительного с предлогом «от» уходит своим завершением во 2-ю половину XVIII в.” [Седельников, 1955, с. 157]. С одной стороны, Седельников отмечает, что конструкция с род. + *отъ* встречается реже, чем оборот с творительным (например, в I Новгородской летописи по Синодальному списку 11 случаев с род. против 41 случая с твор.) [Седельников, 1955, с. 156], а с другой, – считает, что в некоторых случаях оборот с род. может быть понят двояко. Это касается и приведенных выше примеров из *Повести временных лет* (10, 11). Относительно (10) сказано, что текст можно понимать так: „Олег послал от всех”, „все послали от Олега” или „Олег и все послали”; относительно (11) – родительный может быть воспринят в причинном значении [Седельников, 1955, с. 157]. Если так, то обе конструкции не могли быть взаимозаменяемы уже на раннем этапе древнерусской письменности, не то что в XVIII в.

В другой, написанной намного позже, коллективной работе наблюдается более осторожный подход к данной проблеме: страдательная конструкция деятеля с предлогом *отъ* + род. пад. отмечена как особенность древнеболгарского языка, но в то же время авторы утверждают, что „в русском языке твор.

⁷ В первом издании грамматики от 1755 г. этот параграф стоит под номером 441.

падеж представлен во всех типах страдательных конструкций параллельно с формой *от* + род. пад.», причем последняя характерна для памятников старшего периода [Грамматика, 1978, с. 399]. Авторы цитированной грамматики приводят примеры из Изборника 1076 г. и Александрии. На основе этих двух памятников трудно убедиться в наличии данной конструкции в живом древнерусском языке. Не убеждает в этом и третий, последний, пример из Грамоты митрополита Фотия Псковичам против стригольников от 16 сентября 1416 г., так как указанная конструкция является частью цитаты из 31 правила Святых Апостолов: *възванъ будетъ отъ своего епископа* [РИБ, VI, стлб. 368].

Иными словами, у нас есть достаточно оснований считать, что данная конструкция попала в древнерусские рукописи из древнеболгарской письменности. Если она и встречается в некоторых из посланий Ивана Грозного, а также у более поздних авторов, то это не означает, что она когда-то была свойственна живому древнерусскому языку и активно в нем употреблялась. По этой причине она и не сохранилась в русском языке. Наоборот, рассматриваемая конструкция до сих пор активна в болгарском языке, разумеется, с использованием им. падежа вместо род. Это является еще одним примером того, что древнерусские рукописи и даже тексты отдельных русских авторов позднего Средневековья не отражают только особенности живого древнерусского и русского языка.

Текст в (7) также искажен, так как дважды повторяется форма *створн*. В целях согласования текста со второй формой Истрин соединил два слова и получилось новое, никому не известное слово *створнна*. Верный текст дают другие списки: *створн ны съ клатвою мнръ*.

Обратимся к семантике данных слов. *Млзвнтн* в (1) должен означать ‘говорить’, в (2) – ‘говорить, утверждать’, но в первом случае вторичность глагола в тексте не вызывает сомнений, а во втором – первичность сомнительна. *Намлзвнтн* в (3) при греч. *θουρυβέω* снова связан с волнением, но не с говорением; в (4) глагол соответствует греч. *ὀνειδίω* ‘бранить(ся), ругать, порицать, упрекать’, в котором присутствует идея речи, говорения, но связанная с шумом и проявлением бурных эмоций. В (5) тот же глагол соответствует греч. *προκαταλαμβάνω*, который в данном случае означает ‘внушать предубеждение’, т.е. и здесь присутствует идея речи, говорения. Сначала Пичхадзе считала, что в (6) *размлзвнтн* означает ‘отговорить; рассориться’, впоследствии осталось только значение ‘рассориться’ [Пичхадзе, 1998, с. 477; 2002, с. 242–242; 2011, с. 138]. Обычно греч. *διασκεδάω* или *διασκεδάωμι* означает ‘разбрасывать, рассеивать’, ‘разгонять, распускать’,

но в данном случае в сочетании с βουλή ‘совет’ означает ‘отвергнуть, отклонить (совет)’. Речь идет об эпизоде, в котором византийскому императору Александру III советуют кастрировать Константина VII, но приверженникам Льва VI, отца Константина, удалось отклонить этот совет. Учитывая значение греческого соответствия, идея речи у *razmъlvntn* представляется сомнительной. В (7, 8) *szmъlvntn* (сл) означает ‘оговорить, договорить (условия); прийти к соглашению, договориться, сговориться’.

Подводя итоги, можно заключить, что глаголы с корнем *мълв-* в ХГА разнообразны по значению и в своей семантике содержат как значения типа ‘волновать(ся), шуметь’, связывающие их с **МЛЪВА** в древнеболгарском, так и значения, в которых можно выделить идею речи или говорения. Все это, однако, не позволяет утверждать, что в древнерусском языке было налично специфическое значение слов данного гнезда, якобы отличное от древнеболгарского. В этом плане полезно провести параллель между *мълва* ‘шум, волнение, смятение’, *мълвнтн* ‘шуметь, волноваться’ и *говоръ* ‘шум, гул’, *говортн* ‘шуметь’ в древнеболгарском [СС, с. 172, 330; SJS, I, p. 411; II, p. 220]. Если прибавить к этому и звукоподражательный характер этимологии обоих корней [ЭССЯ, 7, с. 76, *govorъ*; 20, с. 225–226, *mъlva*], то сразу станет очевидно, что никакого специфического значения в древнерусском у продолжений слов с **mъlv-* нет. Первоначальная семантика обоих корней связана как раз с шумом, а значения, связанные с говорением, появились у слов с этими корнями позднее и присутствуют как в болгарском, так и в русском языках.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- болг. – болгарский
 греч. – греческий
 словен. – словенский

Источники

- БЕР – Георгиев Владимир И., ред. т. I–III, 1971–1986, Георгиев Владимир И., Дуриданов Иван, ред. т. IV, 1995, Дуриданов Иван, Рачева Мария, Тодоров Тодор А., ред. т. V, 1996, Рачева Мария, Тодоров Тодор А., ред. т. VI, 2002, Тодоров Тодор А., Рачева Мария, ред. т. VII, 2010, Димитрова-Тодорова Лиляна Д., Селимски Людвиг П., ред. т. VIII, 2017, *Български етимологичен речник*, БАН/Академично изд-во М. Дринов, София.

- Грамматика – Дуриданов Иван, ред., 1991, *Грамматика на старобългарския език*, Издателство БАН, София.
- Истрин, I–II – Истрин Василий, 1920–1922, *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*, т. I: *Текст, исследование и словарь*, т. II: *Греческий текст „Продолжения Амартола”*. Исследование, Российская Государственная Академическая типография, Петроград.
- Матвеевко, Щеголева, I/1–2 – МАТВЕЕВКО Вера, ЩЕГОЛЕВА Людмила, 2006, *Книги временныя и образныя Георгия Монаха*, т. I, ч. 1: *Интерпретированный текст Троицкой рукописи*, ч. 2: *Текстологический комментарий*, Наука, Москва.
- ПСРЛ, I – *Полное собрание русских летописей*, 1926, т. I: *Лаврентьевская летопись*, вып. 1: *Повесть временных лет*, изд. 2-е, Издательство АН СССР, Ленинград.
- РИБ – *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею*, 1880, т. VI, Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург.
- СС – БЛАГОВА Э., ВЕЧЕРКА Р., ЦЕЙТЛИН Раля М., ред., 1994, *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Русский язык, Москва.
- ЭССЯ – ТРУБАЧЕВ Олег Н., ЖУРАВЛЕВ Анатолий Ф., ред., 1974–2014, *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 1–39, Наука, Москва.
- Voog, I–II – DE VOOR Carolus, 1904, *Georgii Monachi Chronicon*, I–II, In Aedibus B.G. Teubneri, Lipsiae.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*, 1966–1997, т. I–IV, Academia, Praha.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анисимова Татьяна, 2009, *Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв.*, Индрик, Москва.
- Булаховский Леонид, 1958, *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, 5-е изд., Радянська школа, Киев.
- Иванова-Мирчева Дора, Харалампиев Иван, 1999, *История на българския език*, Фабер, Велико Търново.
- Ломоносов Михаил, 1952, *Полное собрание сочинений*, т. 7, Издательство АН СССР, Москва–Ленинград.

- МАТВЕЕНКО Вера, ЩЕГОЛЕВА Людмила, 2000, *Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели*, Богородский печатник, Москва.
- ПИЧХАДЗЕ Анна, 1998, *Языковые особенности древнерусских переводов с греческого*, в: *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков 1998. Доклады российской делегации*, Наука, Москва, с. 475–488.
- ПИЧХАДЗЕ Анна, 2002, *О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола*, в: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001*, Древлехранилище, Москва, с. 232–249.
- ПИЧХАДЗЕ Анна, 2011, *Переводческая деятельность в домонгольской Руси*, Рукописные памятники Древней Руси, Москва.
- СЕДЕЛЬНИКОВ Е., 1955, *Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке*, в: *Вопросы изучения русского языка*, Издательство АН КССР, Алма-Ата, с. 112–178.
- СМОТРИЦЬКИЙ Мелетій, 1979, *Грамматика словянська (1619). Підготовка факсимільного видання Василя Васильовича Німчука*, Наукова думка, Київ, www.litopys.org.ua/smotrgram/sm.htm (дата обращения: 22.11.2018).
- СТАНКОВ Ростислав, 2008, *Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола в древнерусской письменной традиции*, „Старобългарска литература”, кн. 39–40, БАН/Академично изд-во М. Дринов, София, с. 45–103.
- СТАНКОВ Ростислав, 2015, *Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода „Хроники” Георгия Амартола: мнимые русизмы*, „Преславска книжовна школа”, т. 15, Издателство Фабер, Шумен, с. 93–106.
- СТАНКОВ Ростислав, 2016а, *Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода „Хроники” Георгия Амартола: мнимые русизмы (2)*, „Преславска книжовна школа”, т. 16, Издателство Фабер, Шумен, с. 83–101.
- СТАНКОВ Ростислав, 2016б, *Древнеболгарские переводные тексты и проблема лексических моравизмов*, Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, София.
- СТАНКОВ Ростислав, 2017, *Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода Хроники Георгия Амартола: мнимые русизмы (3)*, „Преславска книжовна школа”, т. 17, Издателство Фабер, Шумен, с. 120–140.
- ХАРАЛАМПИЕВ Иван, 2001, *Историческа граматика на българския език*, Издателство Фабер, Велико Търново.
- ХОДОВА Капитолина, 1963, *Система надежей старославянского языка*, Издательство АН СССР, Москва.

Rostislav Stankov

Z BADAŃ NAD SŁOWNICTWEM STAROBUŁGARSKIEGO
PRZEKŁADU *KRONIKI* JERZEGO HAMARTOŁOSA:
RZEKOME RUSYCYZMY (5)

Streszczenie

W artykule przeanalizowano kilka wyrazów z listy „rusycyzmów”, które stały się przesłanką do postawienia tezy przez niektórych rosyjskich uczonych o istnieniu działalności przekładowej w Rusi Kijowskiej. Analiza wykazała, że czasowniki z rdzeniem **mьlv-* w starobułgarskim przekładzie *Kroniki* Jerzego Hamartolosa nie mają konkretnego znaczenia mowy lub mówienia, które można by łączyć z językiem staroruskim lub rosyjskim. Rdzeń **mьlv-* jest pochodzenia onomatopiecznego, a jego znaczenie mowy jest drugorzędne i jest dobrze reprezentowane we współczesnych językach bułgarskim i rosyjskim. Wobec problemu możliwych rusycyzmów w słowiańskich tłumaczeniach z języka greckiego ostrożne podejście jest wskazane ze względu na fakt, że staroruskie manuskrypty nie odzwierciedlają bezpośrednio języka staroruskiego.

OUT OF OBSERVATIONS ON THE VOCABULARY
OF THE OLD BULGARIAN TRANSLATION OF GEORGE HAMARTOLOS'
CHRONICON: IMAGINERY RUSSICISMS (5)

Summary

This paper examines several words on the list of “Russicisms” which provides a false premise for some Russian scholars’ thesis about translation activities in Kievan Russia. The analysis reveals that verbs with the root **mьlv-* in the Old Bulgarian translation of George Hamartolos’ *Chronicon* have no specific meaning of speech or speaking that could be associated with either Russian or Old Russian. The root **mьlv-* is of an onomatopoeic origin and its meaning of speech is secondary, as is well represented in the modern Bulgarian and Russian languages. Towards the problem of possible Russicisms in the Slavonic translated texts a cautious approach is needed, because of the fact that Old Russian manuscripts do not directly reflect the Old Russian language.